

Наталья Викторовна Немирова,
кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1),
e-mail: nnemirova@yandex.ru

Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования

Статья посвящена вопросу формирования, трансляции и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Автор разграничивает понятия «историческая память» и «социальная память», анализирует событийную и реконструированную память, а также определяет их роль, значение и место в формировании исторической памяти представителей старшей возрастной когорты, явившихся очевидцами и участниками Великой Отечественной войны. В статье приводятся результаты прикладного качественного социологического исследования, проведённого в канун празднования 70-летия Великой Победы. Организованная серия глубинных интервью с «детьми войны» раскрывает источники формирования исторической памяти, являющейся, по сути, сложным, в основе которого, как показало исследование, должно быть заложено предоставление истинной правдивой информации о войне, содержащей как горечь потерь, просчётов и поражений, так и радость, и гордость за достигнутые победы. «Замалчивание» является главным источником искажения и деформации исторического сознания, которое в данный момент времени переживает политическое давление идеализации и фальсификации социально-исторического опыта. Сохранение памяти о подвиге и победе народа становится первоочередной задачей патриотического воспитания современной российской молодёжи. Проведённое исследование показало, с одной стороны, превосходящую роль событийной памяти над реконструированной, с другой – определило характер их взаимовлияния на сложный конструкт исторической памяти в общественном сознании детей войны.

Ключевые слова: историческая память, социальная память, источники исторической памяти, качественное социологическое исследование, Великая Отечественная война.

Natalia Victorovna Nemirova,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University
(1 Smolny St., St. Petersburg, Russia, 191060),
e-mail: nnemirova@yandex.ru

Historical Memory of the Great Patriotic War: Experience of Qualitative Social Research

The article is devoted to the problem of formation, translation and preservation of the historical memory of the Great Patriotic War. The author is differentiating between the notion of historical memory and the notion of social memory, analyzing episodic and reconstructive memory, and also defining their role, meaning and place in formation of the historical memory of the senior birth cohort which includes witnesses and participants of the Great Patriotic War. The article involves the results of the applied qualitative social research which was made on the eve of the 70th celebration of the Great Victory. A concerted series of profound interviews with the children of war reveals the sources of formation of historical memory that is in fact a complicated social constructor which according to what the research shows should be based on reporting really genuine information about the war involving not only sorrows of loss, errors and defeats, but also joy and pride of achieved victories. "Suppression" is the main source of falsification and deformation of historical consciousness that is currently enduring political pressure of idealization and falsification of socio-historical experience. The preservation of the memory of the heroic deed and victory of the people becomes a primary task of the patriotic education of modern Russian rising generation. The study showed, on the one hand, the superior role of event memory over the reconstructed, on the other, determined the nature of their mutual influence on the complex construction of historical memory in the public mind of children of war.

Keywords: historical memory, social memory, sources of historical memory, qualitative social research, Great Patriotic War.

В 2015 году 9 Мая наша страна отмечает важнейшую историческую дату – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. С одной стороны, это государственный праздник, с другой – такой личный для каждого жителя России и жителей стран постсоветского пространства. В последние годы не умолкают международные информационные войны, которые одной из центральных тем поставили вопрос о значении Победы и оценке вклада каждой страны-союзницы в общее дело разгрома фашизма. Громкие речи политических лидеров различных государств (А. Яценюк, Гж. Схетына и др.), призыв к бойкоту мероприятий по празднованию Дня Победы в Москве активно продолжают процесс фальсификации истории. В связи с этим Минкультуры совместно с Минобрнауки проводят ряд инициатив по сохранению исторической памяти, что определяет актуальность обращения к указанной проблематике.

Сохранение определённого уровня знания, понимания и уважения к собственной истории, по оценкам специалистов, является основой российской государственности и построения российского гражданского общества [9, с. 5]. Историческая память, таким образом, выступает как один из компонентов общественного сознания и требует междисциплинарного подхода к изучению. Социологические исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне, с одной стороны, ставят каждый раз новые задачи и открывают новые элементы изучения, с другой – это уже ставшее традиционным подведение итогов перед годовщинами Победы. Прежде всего, необходимо отметить исследования З. Х. Саралиевой и С. С. Балабанова, А. И. Афанасьевой и В. И. Меркушина, В. Э. Бойкова, О. В. Черновой и др. [1; 2; 7; 10].

Социологическая трактовка изучаемого понятия ставит вопрос разграничения терминов «историческая память» и «социальная память». Однако, не вдаваясь в междисциплинарный теоретико-методологический дискурс вопросов разграничения, стоит отметить, что социальная память может рассматриваться как «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению» [6,

с. 366]. Историческая память – это сознательное обращение к действительно произошедшим событиям, т. е. соотношение реального прошлого и его сохранение в адекватном понимании актуальным настоящим [4]. Таким образом, изучение исторической памяти всегда лежит в русле аксиологического подхода, в сопоставлении ценности и оценки [5]. Социальная память – более широкое понятие, где историческая память является её базовой компонентой. Первая более устойчива и реализуется в глубинных сущностных характеристиках социума. Индивид является носителем социальной и исторической памяти, одновременно осуществляя системообразующую функцию. Однако речь всегда идёт о «совокупном субъекте», который обладает качествами, не сводимыми к среднеарифметической сумме памяти каждого. Категория памяти всегда персонифицирована и социальна одновременно. Её хранителями выступают социальные общности: семья, нация, государство. В то же время, по оценкам специалистов, историческая память «не может существовать без личной исторической памяти, без знания того, что связано с личной судьбой конкретного человека, историей его семьи, предшественников, которые функционировали в истории» [8, с. 63]. Данный тезис определил цель и задачи нашего исследования.

В феврале-марте 2014 года было организовано и проведено качественное социологическое исследование исторической памяти о Великой Отечественной войне. Проведение полевого этапа – это совместная работа студентов ФМО СПбГУ и участников СО «Социологическая мастерская» (РГПУ им. А. И. Герцена). В качестве метода исследования было выбрано глубинное интервью, позволяющее выявить мотивы, ценности, оценки, установки как неповторимого, единичного, объективно обусловленного действия, так и однопорядковые явления и процессы в рамках единого исторического события. В отличие от указанных ранее исследований, объектом изучения стали очевидцы и участники тех событий, прежде всего, «дети войны». Ввиду того, что исследование проводилось на территории г. Санкт-Петербурга, все респонденты оказались жителями блокадного Ленинграда, что наложило безусловный отпечаток на результаты проведённого исследования. Однако изначально при формировании

выборочной совокупности такой задачи не ставилось. В основе квотного задания, помимо указанных критериев, были заложены следующие характеристики: профессиональная деятельность респондентов должна быть связана с научно-педагогической деятельностью в вузе, которая продолжается на сегодняшний день, т. е. опрошенные участвуют в воспитании подрастающего поколения специалистов и оказывают влияние на формирование общественного сознания молодёжи. Учителя школ не были включены в выборочную совокупность ввиду их меньшей свободы коммуникации с учащимися, ограниченной учебными пособиями и стандартами. Общий объём выборки составил 30 респондентов из 7 вузов г. Санкт-Петербурга.

Одной из центральных тем исследования стало сопоставление событийной и реконструированной памяти. Эти компоненты диалектически взаимосвязаны. Первая – это «живая память народа», т. е. «индивидуальные и семейные истории, которые повествуют не только о том, что было (факты, события), но и как это было» [1, с. 12]. Вторая – это универсальная обобщённая память, которая формируется посредством социализирующих факторов, таких как уроки истории в школе, встречи с ветеранами, СМИ, художественная и историческая литература, художественные и документальные фильмы, образцы изобразительного искусства и т. п. Таким образом, целью исследования стало определение роли событийной и реконструированной памяти в исторической памяти «детей войны», а также механизмы трансляции событийной памяти, её аудитория, процесс трансформации событийной памяти в реконструированную.

Для достижения поставленной цели гайд для глубинного интервью был разделён на несколько смысловых блоков. В начале интервью респондентов просили в свободной форме рассказать о себе, где и когда семью застигла война. Как правило, респонденты достаточно долго и подробно рассказывали о своей семье, родителях и предках, довоенных воспоминаниях и детских увлечениях. Само начало войны (дата – 22 июня) особенно не отразилось в детской памяти, осознание этого факта пришло позже.

«Я жила с родственниками, на даче в Парголово, и 22 июня в такой яркой сол-

нечный день с дочкой моей двоюродной сестры нам дали по 20 копеек. <...> Мы пришли за мороженым и услышали (были такие репродукторы) выступление Молотова: “Началась война!” Я не помню, купили ли мы мороженое, но мы побежали на дачу и сказали, – там не было, ни радио, ничего – что началась война. Часов в пять вечера приехал ко мне мой одноклассник и сказал, что собирается дружина в школе. И, по-моему, это был 22-й трамвай, ехали мы на задней площадке. Так кончилось детство, и началась самостоятельная жизнь» (Майя Михайловна, 89 лет).

А вот дата – 8 сентября. Для людей, переживших блокаду, когда ужасы войны оказались совсем рядом, на пороге их домов, – запоминающееся событие, об этом помнят и рассказывают многие. Также в детской памяти сохранились события пожара на Бадаевских складах и первых бомбёжек.

«Я помню, что на здании штаба, которое выходит на начало Невского, чётная сторона, я увидела воззвание. Я не помню его содержание, но было “Враг у ворот!” и подписано: “Клим Ворошилов”. Итак, я иду 8 сентября, солнечный вечер, и навстречу мне бегут люди, идёт такой высокий военный. Когда мы с ним поравнялись, военный говорит (видимо, всё-таки слова были обращены ко мне): “Куда бегут, на что глазют? Бадаевские склады жгут”. И люди бежали. Это была первая бомбёжка зажигательными бомбами, жгли Бадаевские склады. <...> Значит, почему не состоялось моё дежурство, я не знаю, но в ночь с 8-го на 9-е я оказалась дома. Почему была дома моя мама, я тоже не знаю. Но вот это была страшная-страшная ночь. Жуткая была фугасная бомбёжка» (Майя Михайловна, 89 лет).

При этом смерть близких людей, родных, соседей, знакомых не упоминается в рассказах. Просто они были, и их не стало. Голод и холод описываются как бесконечные продолжительные процессы, сопровождающие жизнь «детей войны» не только в то время, но и оставшиеся в сознании сегодня.

«Основное, конечно, голод. Голод. Голод. Голод. Голод. Холод» (Руфима Семёновна, 81 год).

«Ох, этот голод, даже сейчас постоянно хочется есть, вот такое ощущение, что глаза едят, а рот не может» (Валерий Владимирович, 76 лет).

Безусловно, то, что является повседневной жизнью в мирное время, становится удивительным событием во время войны. И наоборот, то, что является обыденным в военное время, становится девиантным в мирное. Повествование об этих трансформациях социальной жизни и изменении внутреннего мира человека является центральной темой рассказов «детей войны».

«Меня два раза за всё время блокады помыли. Это был праздник. Эти чувства не передать словами. Помыли!» (Тамара Сергеевна, 85 лет).

«Я терпеть не мог детские коллективы (я одиночка был), когда начиналась бомбёжка, обстрелы, то нас всех загоняли в бомбоубежища в школе. Для меня это было хуже бомбёжек, я старался выбраться, бежал до дому, иногда бежал под обстрелом наших зениток, собирая по дороге тёплые осколки от зениток» (Яков Ильич, 81 год).

«У нас во дворе лежал труп соседа по дому. Прямо на тропинке, перед входом в арку. Мы не могли, да и не пробовали его оттащить. Сил не было. Просто перешагивали несколько дней или шли прямо по нему те, кто не мог перешагнуть. Потом его забрали» (Игорь Владимирович, 84 года).

Особая роль в воспоминаниях о войне отводится матерям. Эта одна из главных сюжетных линий в рассказах. Это настоящие примеры мужества, самопожертвования и формирование ценностной основы для понятия социальной роли матери как в жизни каждого конкретного человека, так и общества в целом. Мать как основной агент социализации, мать как начало всего живого, мать как символ мира, мать как основа семьи, мать как путь к спасению.

«Я всегда неловко чувствую, когда я получаю эту награду. Да, вроде, как ни за что. Потому, что я родился? Ну, хорошо, родился, выжил, благодаря родителям. Когда мать бы это всё получала, тогда понятно. А мне – трудно» (Эдуард Григорьевич, 74 года).

«Я получила хлеб по 150 грамм. Мамочка была служащей, поэтому 125 у меня тоже было. Я очень быстро съела свой хлеб и сказала: “Мамочка, отрежь мне от своего кусочек”. И она сказала таким жёстким голосом: “Я, конечно, могу это сделать. Но тогда умру я, а потом умрёшь ты”. Я думаю, почему я так сказала. В это

время мама резала детскосадовский хлеб на порции детям (мама работала заведующей детсадом – прим. автора). Очевидно, у меня и возникла мысль. Больше никогда в жизни я ничего ни у кого не просила» (Майя Михайловна, 89 лет).

Далее респондентам задавался вопрос, какой след война оставила в их жизни. Как правило, участники исследования вспоминали погибших, потери в семье, изменение послевоенного жизненного уклада.

«Это очень серьёзная тема, потому что много людей погибло, но те, которые остались живы, все неиспорченные, все за советскую власть. <...> Война оставила страшный след, у бабушки 14 детей было, осталось четверо, отец мой погиб между Сумами и Харьковом, он первый был из тех, кто принял удар. После войны мы сами добывали себе хлеб, всё, что можно было найти. Собирали черёмуху, подснежники, берёзовую кору, сок, ландыши. Первая наша добыча была буханка хлеба и две французские сайки. Я потом ботинки себе немецкие купил на эти деньги. Сама система жизни сложная была – и учились и работали» (Валерий Владимирович, 76 лет).

Всё рассказанное респондентами в ходе первой части исследования представляет собой образец содержания событийной памяти. При этом часть респондентов были совсем маленькими детьми (1941, 1940, 1939 года рождения), и часть их воспоминаний о войне формируется за счёт передачи воспоминаний от их родителей. Интересен был факт, каким образом родители рассказывали о войне, блокаде, эвакуации. Для тех, кто был крайне мал для наличия собственных воспоминаний, рассказы родителей (как правило, матери, бабушки, сестры, тёти) касаются только судьбы, здоровья, спасения, сохранения жизни респондентов. Никакой другой информации, как правило, в рассказах не содержится.

«В начале ноября, как мне рассказывали мама и бабушка, поскольку мы оставались в блокаде, я был на руках мамы и бабушки. Так вот, с этого времени я от голода стал болеть и слёг, как мне говорили. Я пролежал всю эту тяжёлую зиму 1941–1942 года, ну, не только зиму, но ещё и лето, до июля месяца, а 29 июля нас эвакуировали. <...> Так вот, в мае в этот дом прилетел снаряд (дом, в котором жил респондент с семьёй, – прим.

автора). <...> Бабушка рассказывала: она возвращалась с гражданских работ и увидела зияющую дыру в окне. Значит, я был засыпан осколками, штукатуркой, вся мебель была изрешечена осколками. Я лежал у окна, но в углу. <...> По словам бабушки, спасло меня, видимо, то, что я был закрыт огромным количеством всяких тёплых вещей, потому что дистрофия, болезнь, холод, ничего же не отапливалось. И вот, чтобы согрелось как-то тело, меня держали под таким панцирем. Ну, ни одной царапины, ничего» (Владимир Николаевич, 80 лет).

«Может, иногда, когда взрослые собирались, что-то там, может, рассказывали между собой. Но только тогда, когда, допустим, что-то отмечали, чей-то день рождения, и вспоминали, как я чудом выжил в это трудное время благодаря матери» (Эдуард Григорьевич, 74 года).

По опросам, проведённым различными социологическими ассоциациями и творческими коллективами, в числе основных источников знания о войне фигурируют семейные воспоминания и встречи с ветеранами (52 %) [7, с. 31]. В связи с этим интересно отметить, каким образом «дети войны» передают свои воспоминания и членам семьи, и другим людям.

В ходе исследования был установлен тот факт, что внутри семьи – с разной степенью интенсивности, частоты и полноты содержания – информация о войне всё-таки передаётся. Респонденты транслируют воспоминания своим детям более охотно, чем их родители передавали им. Это связано с тем, что, с одной стороны, для их родителей – это был страшный приобретённый социальный опыт, наполненный лишениями и болью потерь. Конечно, человеческая память пытается не сохранять неприятные воспоминания.

«Вот любое плохое воспоминание вытесняется в подсознании. <...> Психологическая защита. Вы не вспомните плохие воспоминания из детства – обиды на папу, маму. Да и обиды эти исчезают, когда родителей уже нет. Я помню, как мои обиды смыло, как волной, когда не стало мамы. <...> Вот удивительные вещи – память вытеснила всё, вот были 2 семьи, но о блокаде никто не говорил, потому что это такой чёрный провал, особенно для взрослых, это было внутренними силами души законсервировано. <...> И я

не буду говорить об этом даже своим детям, внукам, чтоб это к ним не вернулось. Не стоит мазохистские чёрточки в себе воспитывать, в культурных семьях не говорят об этом. Да, Сталин прошёлся по семьям, блокаду пережили» (Константин Викторович, 78 лет).

С другой стороны, эта была частью повседневной жизни, которую были вынуждены прожить все окружающие. Это не было примером уникального социального опыта.

«Да, не рассказывали. Мы не рассказывали. Не было таких разговоров. Что помнили, то помнили. Ну, понимаете, это была жизнь. Кто сейчас будет делиться памятью о том, как мы сегодня живём?!» (Яков Ильич, 81 год).

То, что родители передали своим детям (респондентам), как правило, содержит в себе положительные моменты (пучительная история, счастливый финал, смешной случай, позитивный настрой), то доброе, светлое и воспитывающее, что только могло быть на войне. Эти воспоминания из описания конкретно произошедших событий и фактов переходят в разряд семейных реликвий, мифов, легенд и преданий. И уже в ином социальном контексте транслируются из поколения в поколение. Представляя собой семейную, бережно охраняемую ценность.

«Всё это пересказывается. Воспитывает семья. Мои дети, сын и дочь, выросли на этом. Они рассказывают уже своим внукам. Я же уже прабабушка» (Анна Владимировна, 79 лет).

Информацией о пережитом, в рамках встреч со студентами, школьниками, респонденты делятся неохотно. Практически всегда отказываются от подобных встреч.

«Почти не приходилось. Я не люблю ходить рассказывать. Я не хожу ни на какие встречи, меня часто зовут на “блокадные вечера”, никогда не хожу» (Яков Ильич, 81 год).

Причин подобного поведения несколько: во-первых, респонденты являются «детьми войны», а не участниками военных действий. Для них, как и для их родителей, – это повседневная жизнь, не содержащая особого героизма. При этом для части участников исследования это уже даже не их собственные воспоминания, а пересказ воспоминаний их родителей. Во-вторых, «дети войны» не понимают, для чего и зачем нужны подобные встречи, т. к. почти

все респонденты уверены в том, что это должно идти из семьи, а встреча для слушателей будет лишь формальностью.

«Понимаете. Сейчас это уже смешно. Если я это вспоминаю, то сколько бы я ни рассказывал, понять это невозможно тому, кто это не пережил. Мы же жили в этом. Это не недели. Это несколько лет» (Яков Ильич, 81 год).

«Воспитывает семья. Если в семье этого нет, никакие общественные организации, рассказы преподавателя не повлияют. Вспомните себя. Стоят старые люди, и начинают: “Ня-ня-ня, бу-бу-бу”. Вот в семье можно сделать так, чтобы память жила» (Майя Михайловна, 89 лет).

Респонденты отмечают, что подрастающее поколение мало интересуется историей войны. Надо сказать, что по данным социологических исследований разных лет, интерес к войне варьируется от 60 до 75 % [2; 7; 10]. «Дети войны» отсутствие интереса трактуют как данность, не содержащую в себе упрека в адрес молодёжи или государства. Чем дальше уходит военное время, тем меньший отклик оно оставляет в сердцах потомков, и это нормальный процесс развития общества и исторического сознания.

Участники исследования все являются действующими преподавателями, которые на сегодняшний момент времени стоят за кафедрой и проводят занятия со студентами. Одной из гипотез организованного исследования было то, что респонденты формируют сознание студенческой молодёжи и рассказывают им о войне. Но она не подтвердилась. Преподаватели ни естественно-технических, ни социогуманитарных наук не рассказывают о себе и военном времени, ссылаясь на то, что в рамках предмета это не предусмотрено, а о себе лично они рассказывать не любят, иногда лишь могут дать какие-то комментарии.

«Идём в музей-квартиру Дмитрия Ивановича Менделеева. А параллельно, попутно проходим мимо памятной доски у дома на Невском проспекте, где 210-я школа. Я останавливаюсь и говорю, что вот место, где написано “при артобстреле эта сторона наиболее опасна”. <...> В прошлом году мы проводили свою 80-ю Санкт-Петербургскую олимпиаду. Как раз было 70 лет со дня снятия блокады. Я там одну из задач дал, связанную с блокадным Ленинградом: при отсутствии

бензина его заменяли водородным топливом, надо было произвести расчёты. В задаче спрашивалось, какую экономию бензина при этом осуществили? <...> Вот такая получилась своего рода воспитательного плана задачка, а расчёт – сугубо химический» (Эдуард Григорьевич, 74 года).

Одним из механизмов поддержания и сохранения исторической памяти является функционирование общественных организаций и объединений ветеранов, блокадников, «детей войны». Все опрошенные состоят в подобного рода общественных объединениях, в рамках своего района, но не принимают активного участия в жизнедеятельности данных организаций. Ключевой задачей организаций они видят поддержание и помощь нуждающимся ветеранам. Однако, как правило, она сводится лишь к организации концертов и празднований (в основном формально организованных) и предоставлению подарков к памятным датам (конфеты, чайники). Отношение к данному рода деятельности далеко от положительного и носит, скорее, нейтральный характер. Сохранение исторической памяти – одна из задач подобных объединений, но как она конкретно осуществляется, в ходе исследования выяснить не удалось.

«Мне всё время звонят. Я, если есть время, хожу. Хорошие концерты бывают. И всегда конфеты шоколадные дают. У меня диабет, мне нельзя. Но я беру, на подоконник складываю. Потом, бывает, внукам дарю и невесткам или выбрасываю, когда белеют. Последнее время скучно очень стало. Всё быстрее, быстрее, 5 концертов в день. Понапихают из разных муниципальных округов. И вот быстрее, быстрее. Одни не вышли, другие не зашли. Актёры не отдохнули. Хотя в Капелле неплохой был концерт. Мне не хотели давать билет, но я вывернулся. Я шустрый вообще такой» (Валерий Андреевич, 77 лет).

«Они должны существовать. У меня есть костюм с различными наградами, я прихожу туда. Но я внутренний лидер. Если я берусь, я должен быть лидером, но у меня нет сил на эти организации» (Константин Викторович, 78 лет).

Реконструированная память формируется, прежде всего, за счёт преподавания истории в школе. Создание единого учебника истории является положительным

трендом в данном направлении. Если событийная память может сохранять только положительные моменты, то реконструированная должна содержать только правду, вне зависимости от того, какой политический контекст она в себе содержит. Она не должна фальсифицировать поражения и просчёты, идеализировать победы.

«Здесь ответ – у нас одно слово – правда!!!» (Владимир Николаевич, 76 лет).

Самым распространённым источником о войне являются фильмы, об этом свидетельствуют и результаты социологических опросов [1; 7; 10]. Документальные фильмы – это самый главный источник исторической памяти. Фильм «Обыкновенный фашизм» и кадры кинохроник становятся более важным материалом, чем информация о сражениях в учебниках истории.

В ходе исследований, проведённых З. Х. Саралиевой, С. С. Балабановым, О. В. Черновой, лидировали такие фильмы, как «А зори здесь тихие», «В бой идут одни старики». В ходе проведённого нами исследования респонденты называли «Два бойца», «Женя Женечка и Катюша», «Летят журавли», «Отец солдата», «Судьба человека», «Они сражались за Родину» и др. Из российских фильмов был назван только фильм Н. Михалкова «Утомлённые солнцем – 2». Причины такой непопулярности современного кино вызваны тем, что современное кино о войне – это кино о том, как современное поколение представляет себе войну, некий оттиск исторической памяти в сегодняшнем дне, её визуальное представление.

«Современные фильмы снимают режиссёры, которые войну не видели и не знают. Сражение – это не главное содержание войны. Не нужно говорить и показывать героизм, если вы никогда не видели героизма, надо всегда показывать правду, какой бы горькой она ни была. Война – это преступление против человека и человечества. Но война – это не только кровь вёдрами. Война изменяет человека внутри. Посмотрите сложные фильмы Тарковского, Бондарчука. Ведь военное время – это не другие платья или причёски девушек, это другие мысли и чувства» (Зинаида Сергеевна, 82 года).

Главное отличие советских фильмов от российских – это прежде всего психологизм. Именно из-за отсутствия последнего никто из респондентов не смотрит и не смо-

трел иностранные фильмы о войне. Даже та группа преподавателей, которые ведут занятия за рубежом (в США, Швеции, Великобритании, Франции). Этот факт можно объяснить и политическими причинами, и традиционным представлением СССР и советского солдата в иностранном кино.

«Всё слишком личное. <...> Всё показано психологически правдиво. Там не то, что бои показаны, победы - там показаны солдаты, как они участвуют, как они переживают. Там показано не столько, как они воюют, сколько их мысли и переживания» (Владимир Николаевич, 76 лет).

Театральные постановки, за исключением нескольких студенческих работ на площадке БДТ в эпоху Г. А. Товстоногова, названы не были. Роли театра отводятся незначительное место в формировании исторической памяти о войне. Может, за счёт чрезмерно эпатажного характера современных спектаклей, а может, за счёт меньшей аудитории и невозможности ретрансляции театрального искусства.

Однако ещё одним значимым источником реконструированной исторической памяти являются музеи, памятники архитектуры, скульптуры, монументального искусства. В нашей стране много мемориалов, памятников, музеев воинской славы, от монументальных произведений на Мамаевом кургане и Поклонной горе до маленьких, порой заброшенных, деревенских захоронений. Безусловно, значимым для всех жителей блокадного Ленинграда является Пискаревское кладбище. Мамаев курган, мемориал в Хатыни, Музей обороны Ленинграда (в его виде до «Ленинградского дела») – это знаковые для всех места. Но ценность несёт именно не само художественное произведение архитектуры или скульптуры, а прежде всего то впечатление, психологическое воздействие, которое оно производит на очевидцев.

«Для меня это обычные памятники архитектуры. Для меня это памятники. Я был в немецких концлагерях, был в Саласпилсе, на меня там произвело впечатление, как было это сделано, когда из земли торчат руки. Вот это производит впечатление. Понимаете» (Яков Ильич, 81 год).

При изучении вопросов исторической памяти особое внимание уделяется знаниям о войне. Учитывая характер выборочной совокупности проведённого исследования,

особого внимания этому не уделялось, однако было интересно узнать, кого респонденты считают ключевой фигурой Великой Отечественной войны. Безоговорочное лидерство за Г. К. Жуковым. Помимо него были названы маршалы: А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев и генералиссимус И. В. Сталин. Но интересно отметить тот факт, что называя Г. К. Жукова и признавая его знания в области военной стратегии, как правило, всегда упоминали о его жестокости и беспощадности к солдатским жертвам. И. В. Сталина не называли, но в ходе рассуждений всегда приходили к выводу, что он присутствует в ответе на этот вопрос по умолчанию.

Историческая память состоит из сознания живущих людей, вещественных объектов и традиций. Одной из подобных традиций является празднование Дня Победы, который носит всеобщий характер и с каждым годом приобретает всё больший размах празднования. День Победы для «детей войны» – это уже, скорее, общий праздник, чем личный. В период жизни их родителей праздник носил более индивидуальный и семейный характер. Со временем

значение Дня Победы трансформировалось: он перешёл из дня памяти павших в день празднования величия Победы и гордости за дело предков, в день всеобщего согласия и патриотизма, осознания себя как народа-победителя. С одной стороны, это положительный тренд, с другой – ко Дню Победы нужно «*быть готовым и понимать, что ты празднуешь.* <...> Любый праздник – это мгновение, а война – это колоссальная вертикаль, которая закончилась в 1945 году, но она жила и жила ещё десятки лет в сознании тех, кто её пережил» (Константин Викторович, 78 лет). Нельзя возвеличивать любую войну. Но всегда необходимо помнить подвиг народа, который смог выстоять как на фронте, так и в тылу. Именно ему – народу – современное человечество обязано жизнью и Победой над фашизмом.

Проведенное исследование показало, с одной стороны, превосходящую роль событийной памяти над реконструированной, с другой – определило характер их взаимовлияния на сложный конструкт исторической памяти в общественном сознании «детей войны».

Список литературы

1. Афанасьева А. И., Меркушин В. И. К 60-летию Великой Победы. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян [Электронный ресурс] // Социол. исследования. 2005. № 8. С. 11–12. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/18296523.html> (дата обращения: 22.03.2015).
2. Бойков В. Э. Историческая память российского населения: состояние и проблемы формирования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/17662270.html> (дата обращения: 15.03.2015).
3. Зарубин В. Г., Макаридина В. А. Оперативная социология: методологическое основание и технология // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 1. С. 164–171.
4. Лойко О. Т., Вакурина Н. А. Социальная память в контексте историзма [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №1(13). С. 158-161. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialya-pamyat-v-kontekste-istorizma#> (дата обращения: 20.03.2015).
5. Немирова Н. В. Русская социологическая школа неокантианства: теоретико-методологический анализ // Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 232 с.
6. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. М.: Норма, 1998. 672 с.
7. Саралиева З. Х., Балабанов С.С. Отечественная война в памяти трёх поколений [Электронный ресурс] // Социол. исследования. 2005. № 11. С. 29–36. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/18808747.html> (дата обращения: 21.03.2015).
8. Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Социол. исследования. 2010. № 5. С. 62–66. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/33469094.html> (дата обращения: 19.03.2015).
9. Тощенко Ж. Т. Историческая память и социология [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 3–6. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16944527.html> (дата обращения: 20.03.2015).
10. Чернова О. В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Политическое просвещение. 2011. № 1(60). Режим доступа: <http://www.politpros.com/journal/ID=138&journal=68> (дата обращения: 18.03.2015).

References

1. Afanas'eva A. I., Merkushev V. I. K 60-letiyu Velikoi Pobedy. Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoi pamyati rossiyan [Elektronnyi resurs] // Sotsiol. issledovaniya. 2005. № 8. S. 11–12. Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/text/18296523.html> (data obrashcheniya: 22.03.2015).
2. Boikov V. E. Istoricheskaya pamyat' rossiiskogo naseleniya: sostoyanie i problemy formirovaniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/text/17662270.html> (data obrashcheniya: 15.03.2015).
3. Zarubin V. G., Makaridina V. A. Operativnaya sotsiologiya: metodologicheskoe osnovanie i tekhnologiya // Vestn. LGU im. A. S. Pushkina. 2013. T. 2. № 1. S. 164–171.
4. Loiko O. T., Vakurina N. A. Sotsial'naya pamyat' v kontekste istorizma [Elektronnyi resurs] // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. №1(13). S. 158-161. Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialya-pamyat-v-kontekste-istorizma#> (data obrashcheniya: 20.03.2015).
5. Nemirova N. V. Russkaya sotsiologicheskaya shkola neokantianstva: teoretiko-metodologicheskii analiz // Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 232 s.
6. Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya / pod red. G. V. Osipova. M.: Norma, 1998. 672 s.
7. Saraliev Z. Kh., Balabanov S.S. Otechestvennaya voyna v pamyati trekh pokolenii [Elektronnyi resurs] // Sotsiol. issledovaniya. 2005. № 11. S. 29–36. Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/text/18808747.html> (data obrashcheniya: 21.03.2015).
8. Tavokin E. P., Tabatadze I. A. K voprosu ob istoricheskoi pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine [Elektronnyi resurs] // Sotsiol. issledovaniya. 2010. № 5. S. 62–66. Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/text/33469094.html> (data obrashcheniya: 19.03.2015).
9. Toshchenko Zh. T. Istoricheskaya pamyat' i sotsiologiya [Elektronnyi resurs] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1998. № 5. S. 3–6. Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/text/16944527.html> (data obrashcheniya: 20.03.2015).
10. Chernova O. V. Istoricheskaya pamyat' rossiyan o Velikoi Otechestvennoi voine [Elektronnyi resurs] // Politicheskoe prosveshchenie. 2011. № 1(60). Rezhim dostupa: <http://www.politpros.com/journal/ID=138&journal=68> (data obrashcheniya: 18.03.2015).

Статья поступила в редакцию 13.04.2015